

ОТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ РИСКА

Ulrich Beck. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992, v.9, no.1, p.97-123.

© Theory, Culture and Society Ltd., 1992

Перевод к.ф.н. А.Д.Ковалева

РИСК: ВНЕВРЕМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ?

После прочтения этого подзаголовка возникают естественные вопросы: не есть ли риск столь же старое явление, как, по меньшей мере, индустриальное общество, а возможно, даже как сам род человеческий? Разве вся наша жизнь не подвержена риску смерти? Не являются ли и не были ли все общества во все времена "обществами риска"?

Вместе с тем, разве не заслуживает обсуждения тот факт, что с тех пор как началась индустриализация, постоянно уменьшалась опасность голода, эпидемий или природных катастроф? Напомним лишь несколько ключевых показателей: уменьшение детской смертности, "добавочные годы жизни" (Imhof), достижения государства благосостояния, огромные технологические усовершенствования за последние сто лет. Разве ФРГ, в частности, не стала истинным Эльдорадо бюрократически организованной опеки и предусмотрительности?

Конечно, появились "новые виды риска" (ядерное оружие, химические и биотехнологические производства и т.п.), однако не оказываются ли они с математической точки зрения хотя и опасностями огромного масштаба, но крайне (фактически пренебрежимо) маловероятными? Не следует ли отсюда, если рассуждать холодно и рационально, что к этим опасностям надо относиться не более серьезно, чем к давно привычным видам риска, вроде возможностей попасть в мясорубку на автострадах или заболеть от курения?

В абсолютной безопасности нам, людям, явно отказано. Но не верно ли также и то, что неизбежный "остаточный риск" – это оборотная сторона беспрецедентных благоприятных возможностей (процветания, относительно высокого уровня социального обеспечения и общего комфорта), предлагаемых развитым индустриальным обществом большинству своих членов? Не является ли драматизация такого рода риска в конце концов обычной шумихой средств массовой информации, игнорирующей установившиеся мнения экспертов, некоей "новой немецкой фобией", столь же несостоятельной и преходящей, как страх крушений, считающийся "железнодорожной болезнью" с конца прошлого века?

И наконец, быть может, анализ риска – это дело технических и естественных наук? Какова здесь роль социолога?

ИСЧИСЛЕНИЕ РИСКА: ПРЕДСКАЗУЕМАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ОТКРЫТОГО БУДУЩЕГО

Потрясения, которые испытывало человечество, – чума, голод и стихийные бедствия, проявления грозной власти богов и демонов, – могут соответствовать или не соответствовать разрушительному потенциалу современных опасных мегатехнологий. Но эти потрясения принципиально отличаются от "риска" в моем понимании, поскольку они не основаны на решениях, конкретно – на решениях в пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса. Это и есть моя первая посылка: риск предполагает индустриальные, т.е. техноэкономические, решения и оценки полезности. От "военного ущерба" он отличается своим "нормальным рождением", или, точнее, "мирным происхождением" в мировых центрах рациональности и процветания под сенью закона и порядка. От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки надо искать в решениях, которые принимаются не индивидами, но целыми организациями и политическими группами¹.

Последствия этого значительны: доиндустриальные бедствия, как бы велики и опустошительны они ни были, считались "ударами судьбы", падавшими на человечество "извне", и приписывались чему-то "другому" – богам, демонам или Природе. При этом тоже звучали бесчисленные обвинения, но они были направлены против богов или Бога, были, так сказать, "религиозно мотивированы", а не политически нагружены, как в случае с индустриальными разновидностями риска. Ибо, если индустриальный риск берет свое происхождение в процессе принятия решений, неизбежно всплывает и проблема социальной ответственности, даже в таких областях, где господствуют нормы науки и права допускают ответственность лишь в исключительных случаях. За индустриальные риски ответственны люди, фирмы, государственные учреждения и политики. Как выражаются социологи, социальные корни риска блокируют "экстернализацию" проблемы ответственности².

Поэтому не само по себе число погибших и раненых, а скорее индустриальное самопорождение риска как некое социальное свойство делает обусловленные мегатехнологиями опасности политической проблемой. Остается, однако, вопрос: должны ли мы рассматривать и оценивать последние 200 лет как период постоянного повышения предсказуемости и предсмотрительности в обращении с порождае-

¹ Никлас Луман (Luhmann, 1990) указал на разницу между доиндустриальными опасностями, не контролируемые, но также не обусловленными принятыми решениями, и индустриальными рисками, которые производны от решений и утилитарных соображений. Здесь Луман, теоретик систем, приписывает решения исключительно индивидам, которые в других отношениях представлены в его теории лишь как элементы организаций и бюрократий.

² Здесь мы имеем дело с историческим сплавом природы и общества, где даже естественные катастрофы, типа наводнений, оползней и т.п., причины которых внешне выглядят как природные, в конечном счете вызваны, видимо, все-таки человеческими существами (см. Beck, 1988, К.2).

мыми индустрией опасностями и разрушениями? Многообещающим, но до сих пор едва намеченным направлением исследований в этой области является подход к политической институциональной истории развивающегося индустриального общества как к отягощенному конфликтами процессу установления известной системы правил в борьбе с опасностями и рискованными ситуациями, создаваемыми современной промышленностью (см. Ewald, 1986; Evers und Nowotny, 1987; Böhret, 1987; Lau, 1988).

Идею реагирования на неопределенности, таящиеся во всяком открытии и завоевании новых рынков или в развитии и внедрении новых технологий, посредством каких-то коллективных соглашений (например, страховых договоров, которые в такой же мере обременяют индивида обязательными выплатами, в какой предохраняют его от серьезных несчастных случаев) едва ли можно считать новым социальным изобретением. Ее появление восходит к временам зарождения межконтинентального судоходства, но по мере роста промышленного капитализма страхование постоянно совершенствовалось и в результате распространилось почти на все области социального действия. Последствия, сперва затрагивавшие только определенного индивида, становились "рисковыми случаями", систематически проявляющимися, поддающимися статистическому описанию, и в этом смысле "предсказуемыми" типами событий, которые можно было подчинять надындивидуальным политическим правилам признания, компенсации и претовращения.

"Исчисление рисков" является связующим звеном между естественными, техническими и общественными науками. Оно применимо к совершенно различным явлениям не только в области управления здравоохранением (от опасности курения до опасности радиационного заражения), но и в сферах экономического риска, риска, связанного с пожилым возрастом, безработицей, дорожными происшествиями, определенными периодами жизни и т.д. Вдобавок оно допускает что-то вроде "технологической морализации", которая больше не нуждается в непосредственном применении моральных и этических императивов. Например, при определенном уровне загрязнения воздуха место "категорического императива" занимают показатели смертности. Применительно к подобным случаям можно сказать, что исчисление рисков – это пример своеобразной этики без морали, математической этики технологического века. Успех исчисления рисков, вероятно, не был бы возможен, если бы оно не давало некоторых весомых преимуществ.

Первое из них заключено в факте, что "риски" открывают возможность статистически документировать следствия, которые первоначально персонифицировались и перекалывались на индивидов. На этом пути они раскрываются как систематические события, которые соответственно нуждаются в общем политическом регулировании. Благодаря статистическому описанию рисков (скажем, в форме вероятностей несчастных случаев), туман индивидуализации рассеивается, хотя и явно недостаточно в случае болезней, вызываемых воздействием окружающей среды, таких, как ложный круп, астма или даже рак. Тем самым открываются возможности для со-

ответствующих политических действий: вину за несчастные случаи на работе, к примеру, не возлагают на тех, чье здоровье так или иначе уже пострадало, но вместо этого связывают подобные случаи, отвлекаясь от их индивидуальной окраски, с организацией производства, с недостатком предосторожностей и т.д.

Второе преимущество тесно связано с первым: условия и гарантии страховых выплат строятся на основе невинности (если отбросить крайние случаи грубого недосмотра или намеренного вреда). Благодаря этому становятся необязательными юридические баталии по поводу определения виновников и смягчается моральный ущерб. Вместо этого для деловых кругов создается соразмерный величине страховых издержек побудительный мотив предупредить (или, возможно, не предупредить) эти происшествия.

Но, в конечном счете, наиболее важной для нас является приобретаемая индустриальной системой способность обращаться к своему непредсказуемому будущему. Исчисление различных видов риска, законы об обязательном страховании и т.п. делают, казалось бы, невозможное: события, которые еще не произошли, становятся объектом текущих действий, а именно, раннего предупреждения, компенсации или иных мер предосторожности против будущих последствий. Как подробно показал французский социолог Франсуа Эвальд (Ewald, 1986), "новизна" исчисления рисков заключается в преобразовании неисчислимого в исчислимое с помощью статистики несчастных случаев, поддающихся обобщению формул расчета, а также общего обменного принципа "деньги за причиненный ущерб". Таким путем нормативная система правил для осуществления социального учета и расчета, компенсации и мер предосторожности, всегда очень противоречивая в деталях, создает в настоящем безопасность перед угрозой открытого неопределенного будущего. Современность, вносящая неопределенность во все уголки бытия, обретает свой контрпринцип в некоем *социальном договоре против порождаемых индустриальной системой опасностей и ущерба* – договоре, складывающемся из общественных и частных страховых соглашений.

Политически и программно этот "договор" о сдерживании и "справедливом" распределении тягостных последствий промышленной революции помещается где-то между социализмом и либерализмом, потому что, с одной стороны, он учитывает факт порождения системой этих последствий и опасностей, а с другой стороны – вовлекает индивидов в процесс их предотвращения и компенсации. Общее согласие, которого можно добиться здесь, всегда останется неустойчивым, конфликтным и нуждающимся в пересмотре. Но именно по этой причине такой "договор" составляет стержневую, внутреннюю "социальную логику общего согласия на прогресс", которая, в принципе, и легитимизировала техно-экономическое развитие в первой фазе индустриализации. Там, где этот "пакт безопасности" систематически, массово и вопиюще нарушается, "согласие на прогресс", как таковое, ставится под угрозу.

РИСК И УГРОЗА: О СОВПАДЕНИИ НОРМАЛЬНЫХ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Мысль заголовка – ключевая, и она поведет нас дальше. Совпадение нормального и исключительного как раз и характеризует появление технологических вызовов, которые занимают нас сегодня: ядерной энергетики, многих видов химического и биотехнологического производства, продолжения и углубления экологической деградации. Устоявшиеся основы логики риска подвергаются сомнению или ниспровергаются³.

Иначе говоря, с середины этого века социальные институты индустриального общества столкнулись с исторически беспрецедентной возможностью уничтожения всей жизни на планете в результате принятия определенных решений. Это отличает нашу эпоху не только от ранней стадии индустриальной революции, но и от всех прочих культур и общественных форм, как бы ни расходились они и ни противоречили друг другу в деталях. Если разгорается пожар – приезжает пожарная команда; если случается дорожное происшествие – выплачивается страховка. Эта взаимосвязь между "предшествующим" и "последующим", между будущим и гарантированным обеспечением в настоящем (ибо меры предосторожности рассчитаны даже на худший из мыслимых случаев) порвалась в век ядерных, химических и генетических технологий. При всем своем совершенстве атомные электростанции подорвали принцип безопасности и страхования не только в экономическом, но и в медицинском, психологическом, культурном и религиозном смыслах. *Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий*, оно незастраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей.

Нет ни одного института – ни реально, ни, видимо, даже в замысле, – который был бы готов к "наихудшему мыслимому бедствию", как нет и формы общественного порядка, которая обеспечивала бы социальные и политические гарантии в этом худшем из возможных случаев⁴. Зато есть много желающих специализироваться в одной единственной области – в отрицании этих угроз. Заботу о последствиях, способную гарантировать некоторое уменьшение потенциальных опасностей, заменяют догмой технологической безошибочности, которая опровергается каждой следующей катастрофой. Владычица страны ошибок, наука, становится покровительницей этой неприкосновенной догмы. Будто бы только "коммунистические" реакторы, но не западногерманские, являются созданиями человеческих рук, способными отправить на свалку все теории. Даже простой вопрос: "Что, если это все же случится?" – встречает пустоту неподготовлен-

³ Эта идея впервые была разработана Лагадеком в монографическом исследовании крупных катастроф (Lagades, 1987), углублена Эвальдом (Ewald, 1986) и Перроу (Perrow, 1988); эту же аргументацию в немецкой литературе развивали Эверс и Новотный (Evers und Nowotny, 1987). Подробнее см. Beck, 1988; Lau, 1988.

⁴ В этом отношении показательны споры о так называемой "медицине катастроф".

ности к действиям после беды. Соответственно политическая стабильность в обществах риска оказывается стабильностью отказа от обдумывания последствий.

Говоря точнее, атомные, химические, генетические и экологические мегаугрозы разрушают четыре опоры исчисления рисков. Здесь имеется в виду, во-первых, глобальный, часто непоправимый ущерб, который уже нельзя ограничить; тем самым рушится концепция денежного возмещения (компенсации). Во-вторых, в случае смертельных глобальных угроз исключены действенные меры предосторожности на основе предвидения последствий "наихудшего мыслимого бедствия"; это подрывает идею безопасности, обеспечиваемой "предупреждающим отслеживанием результатов". В-третьих, само понятие "бедствие" утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым смысл. Оно становится событием, имеющим начало и не имеющим конца, своеобразным непредсказуемым "вольным пиршеством" крадущихся, скачущих и накладывающихся друг на друга волн разрушения. Но ведь это и подразумевает потерю меры нормальности, утрату процедур измерения и, следовательно, реальной основы для расчета опасностей: сопоставляются друг с другом несравнимые сущности, и расчет, исчисление оборачиваются лишь затемнением рассудка.

Проблема "некалькулируемости" последствий и размеров с особой яркостью выявляется в недостатке ответственности за них. Научное и юридическое признание угрожающих факторов осуществляется в нашем обществе в соответствии с принципом причинности, с принципом "загрязнитель платит". Но что инженерам и юристам кажется самоочевидным, фактически даже этическим требованием, то в сфере мегарисков становится крайне сомнительным и парадоксальным⁵.

[...]

Эта организованная безответственность основана на смешении разных времен. Опасности, которым мы подвергаемся, относятся к совсем другому времени, чем меры безопасности, которыми пытаются их укротить. В этом основа для возникновения обоих явлений: периодического обострения противоречий, порождаемых ведающими "безопасностью" высокоорганизованными бюрократиями, и возможностей неоднократной нормализации этих "рисконосных шокков". На пороге XXI в., на вызовы эпохи атомных, генетических и химических технологий пытаются отвечать понятиями и рецептами из времен раннего индустриального общества XIX и начала XX в.

Существует ли какой-нибудь операциональный критерий для различения рисков от неприемлемых угроз? Сама экономика демонстрирует, посредством отказа от частного страхования, границу допустимых пределов экономической точности. Там, где логика частного страхования не срабатывает, где экономический риск страхования оказывается слишком большим или слишком непредсказуемым для страховых компаний, граница, которая отделяет "предска-

⁵ В последние годы резко обострились дебаты по поводу обязанностей и функций права в обществах риска. См. Wolf, 1987; 1988; Meyer-Abich und Schefold, 1986; Ritter, 1987; Blanke, 1986; Heinz und Meinberg, 1988; Calliez, 1981; Bruggemeier, 1988.

зuemый" риск от неконтролируемой угрозы, очевидно, не раз нарушалась в большом и малом.

С этими нарушениями связаны, в принципе, два типа последствий. Во-первых, рушатся *социальные* опоры исчисления рисков; социальная безопасность вырождается в простую технику безопасности. Условием успешного исчисления рисков является одновременный учет технических и социальных компонентов, включая срок давности, ответственность, компенсацию, предотвращение последствий. Теперь эти факторы перестают действовать, а социальная и политическая безопасность может обеспечиваться только за счет внутренне противоречивого процесса технического совершенствования.

Во-вторых, ядром этой политической динамики оказывается социальное противоречие между существованием высокоразвитых бюрократий, занятых проблемами безопасности, и открытой легализацией прежде невиданных, гигантских угроз, без всякой возможности справиться с их последствиями. Общество, которое сверху донизу ориентировано на безопасность и здоровье, столкнулось с их диаметрально противоположностями – такими разрушениями и угрозами, которые делают смешными любые предосторожности против них.

В Европе конца XX в. сходятся две противоположные линии развития: уровень безопасности, опирающийся на совершенство технобюрократических норм и средств контроля, и распространение угрозы исторически новых опасностей, которые проскальзывают сквозь все заградительные сети закона, технологии и политики. Это противоречие – не технического, а социального и политического характера – остается скрытым в "смещении времен" (Gunther Anders). Такое положение будет продолжаться, пока живут старые индустриальные стереотипы рациональности и контроля. Оно дойдет до того, что невероятные события станут вероятными. "Нормальные катастрофы" – вот название, которое Ш.Перроу (Perrow, 1982) дает в своей книге этому предсказуемому ходу событий, когда случается то, что считалось невозможным; и чем горячее отрицают такую возможность, тем скорее, разрушительнее и ужаснее она реализуется. В цепи ставших известными публичке катастроф, почти-катастроф, сбоев приукрашенной безопасности и скандалов рассыпаются технически ориентированные исковые претензии к недостаточному контролю со стороны правительства и промышленников – и это совершенно независимо от принятой меры риска: числа погибших, опасности заражения и т.д.

Главный социально-исторический и политический потенциал экологических, ядерных, химических и генетических опасностей кроется в крушении административной системы, в крахе научно-технической и правовой рациональности, а также институциональных гарантий политической безопасности, потребность в которых становится настоящей необходимостью для каждого.

ЛИТЕРАТУРА

- Ackermann H. et al. (Hg.).** Technikentwicklung und politische Bildung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988.
- Beck U.** Gegengifte. Die organisierte Unverantwortlichkeit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1988.
- Blanke T.** Autonomie und Demokratie // Kritische Justiz, 1986, Bd.4, S.406–422.
- Böhret C. (Hg.).** Herausforderungen an die Innovationskraft der Verwaltung. Opladen: Leske und Budrich, 1987.
- Bruggemeier G.** Umwelthaftsrecht. Ein Beitrag zum Recht in der "Risikogesellschaft" // Kritische Justiz, 1988, Bd.2, S.209 – 230.
- Caliess R.-P.** Strafzweck und Strafrecht. 40 Jahre Grundgesetz – Entwicklungstendenzen vom freiheitlichen zum sozial-autoritären Reichsstaat? // Neue Juristische Wochenschrift, 1981, Bd.21, S.1338–1343.
- Evers A und Nowotny H.** Über den Umgang mit Unsicherheit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987.
- Ewald F.** L'Etat Providence. Paris, 1986.
- Heinz G. und Meinberg U.** Empfehlen sich Omdenungen im strafrechlichen Umweltschutz, insbes. in Verbindung mit dem Verwaltungsrecht. Gutachten D für den 57. Dt. Juristentag. In: Stündige Deputation des Dt. Juristentages. Verhandlungen des 57. Dt. Juristentages in Mainz. Bd.1. Teil D. 1988.
- Lagadec P.** Das grosse Risiko. Nordlingen: Greno, 1987 [1982].
- Lau C.H.** Risikodiskurse // Soziale Welt, Bd.3, S.418–436.
- Luhmann N.** Die Moral des Risikos und das Risiko der Moral. In: G.Bechmann (ed.). Risiko und Gesellschaft. Opladen, 1990.
- Meyer-Abich K.M. und Schefold B.** Die Grenzen der Atomwirtschaft, München, 1986.
- Perrow C.** Normale Katastrophen. Frankfurt a.M.: Campus, 1988.
- Ritter E.H.** Umweltpolitik und Rechtsentwicklung // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht, 1987, Bd.11, S.929–938.
- Wolf R.** Die Antiquiertheit des Recht in der Risikogesellschaft // Leviathan, 1987, Bd.15, S.357–391.
- Wolf R.** "Herrschaft kraft Wissen" in der Risikogesellschaft // Soziale Welt, 1988, Bd.2, S.164–187.